

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Куделко С. М. Сенсифікація: опыт расширения терминологического арсенала исторической науки // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. Харків, НМЦ “СД”, 2000. – Вип. 4. – С. 4 – 8.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

СЕНСИБИЛИЗАЦИЯ: ОПЫТ РАСШИРЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АРСЕНАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Как верно заметила О. И. Блинова, «культура научного исследования, эффективность полученных результатов в немалой степени определяются используемой исследователем терминологией» [1, с. 28]. Данная статья представляет собой попытку предложить научному сообществу новый термин, который лишь спорадически встречается в трудах историков.

В прошлом и настоящем всех стран и народов мы сталкиваемся с явлением, которое много раз фиксировалось как современниками, так и последующими исследователями, но не получило специфического терминологического оформления. Речь идет о том агрегатном состоянии общественного сознания, когда в определенный момент происходит его относительно быстрая трансформация и возникает качественно иная историческая ситуация, момент диалектического скачка. При этом перемены в умонастроениях народа происходят порой с такой ураганной быстротой, что иные политические или государственные лидеры, еще вчера бывшие кумирами масс, оказываются поверженными и забытыми. Обычно (но далеко не всегда) такое состояние общества связано с политическими революциями. Проиллюстрируем это на некоторых хрестоматийных примерах.

Вот как выглядит начало Февральской революции в дневнике последнего Петроградского градоначальника генерала А. П. Балка: «На это число (23 февраля — С. К.) никаких зловещих указаний не было. Начался день нормально, погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5–6.

В 10 ч. утра, принимая доклады у себя в кабинете, стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Быстро выяснилось, что движение это необычное — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская Дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих... К 12 часам дня донесли о таком же движении на Петроградской Стороне по Большому и Каменноостровскому проспектам. Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заувывные подавленные голоса: хлеба, хлеба...

И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стонала: «хлеба, хлеба». Притом лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста... Красных флагов нигде не замечалось; агитаторов и руководителей беспорядков тоже не видно. В итоге дня, причина народного движения — не понятна. Ни Департамент Полиции, ни Охранное Отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления» [2, с. 26–28]. Как видно из текста, речь идет о спонтанном процессе, даже толчок к нему остался неизвестным (таким ничтожным он был).

Другой пример. Знаменитый историк С. М. Соловьев так описывал состояние русского общества в конце XVII в.: «...собрались в дорогу, но ждали кого-то, и тот, кого ждали, явился — явился Петр» [3, с. 437]. Речь идет о подготовленности всем предшествующим ходом исторического развития реформ первой четверти XVIII в., «необходимость их, — продолжает С. М. Соловьев, — чувствовалась всеми» [3, с. 437].

Подобные ситуации фиксируют народные пословицы и поговорки разных народов. В афористической форме в них заключено понимание данного процесса: «Капля горя переполнила чашу терпения народного» и др. Академик Т. И. Ойзерман отмечал: «...пословицы, поговорки, в рамках осмысливающего повседневный опыт мировоззрения, сплошь и рядом выявляют присущий всем умудренным жизнью людям наивно-диалектический взгляд на жизненные обстоятельства, сознания того, что истина конкретна, абстрактной истины нет» [4, с. 13].

Отмеченные выше и хорошо известные историкам, политологам и социологам ситуации нашли отражение в теории В. И. Ленина о революционной ситуации. Первоначально, в статье «Маевка революционного пролетариата», относящейся к июню 1913 г., Ленин ограничивал революционную ситуацию формулой, гласящей: «...для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» [5, с. 300]. Через два года в работе «Крах II Интернационала» Ленин указывает на три признака революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению» [6, с. 218]. За несколько дней до Октябрьской революции

в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин перечисляет условия победоносного восстания и среди этих последних указывает на «большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т. е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя в ч е р а (разрядка наша — С. К.) был вполне за него» [7, с. 337]. Быстрая сенсбилизация общественного сознания — один из характерных элементов революционных (переломных) эпох.

Классическое определение Ленина революционной ситуации фиксирует внешнюю («общественную») характеристику явления («повышение активности масс» и др.). Однако полагаем, что историческая наука вплотную подошла к тому, чтобы иметь возможность фиксировать состояние сознания общества, степень его готовности к радикальным переменам. Здесь может пригодиться термин «сенсбилизация», который, по нашему мнению, не только регистрирует определенное качественное состояние общественного сознания, но и открывает дорогу к дальнейшему познанию как прошлого и настоящего, так и будущего.

Термин «сенсбилизация» происходит от латинского слова «sensibilis» (чувственный). Этот термин уже нашел себе применение в ряде наук, например, в биологии и медицине. Здесь он означает повышение чувствительности организма животного и человека (или же отдельных органов, например, органов чувств) к воздействию каких-либо раздражителей (химических, бактериологических и т. д.) [8, с. 171 и др.]. Сенсбилизация организма лежит в основе ряда аллергических и других заболеваний. Термин «сенсбилизация» используется и в фотографии, здесь он означает введение в фотографическую эмульсию сенсбилизаторов для увеличения естественной светочувствительности и расширения спектральной области добавочной светочувствительности в различных диапазонах [9, с. 1190 и др.]. Есть попытки использовать термин «сенсбилизация» и в других областях науки и техники. Вообще, специальные словари стали фиксировать этот термин лишь в последние десятилетия, а, например, такой фундаментальный справочник, как «Новые слова и значения», вышедший в 1984 году, составленный по материалам прессы и литературы 70-х годов, его не называет.

Категория «сенсбилизация» позволяет при помощи специальных методик определять степень сенсбилизации общества, т. е. его готовность к переменам. Совершенно очевидно, что сама дефиниция «сенсбилизация» связана с понятиями «ментальность» и некоторыми другими, характеризующими качественное или внутреннее состояние общества, его сознание.

По всей видимости, не следует ограничивать сферу возможного применения этого термина лишь областью политического сознания. Он применим во многих других сферах, например, в науковедении, где может характеризовать подготовленность научного сообщества к вос-

приятию новых идей. Низкая сенсбилизация научного сообщества привела, в свое время, к тому, что открытие Грегора Менделя, касающееся основных закономерностей наследственности — расщепления и комбинирования наследственных факторов, опубликованное им в 1865 г. (через 10 лет после их открытия), не получило достойной оценки современников и было переоткрыто в 1900 г. К. Э. Корренсом, Э. Чермаком и Г. Де Фризом. Еще одна иллюстрация: проводимые параллельно и независимые друг от друга исследования в Советском Союзе Н. Г. Басова и А. М. Прохорова, а в Соединенных Штатах Америки Ч. Таунса привели к созданию в 50-х годах XX ст. квантовой электроники. В 1964 г. всем трем исследователям была присуждена Нобелевская премия по физике. Это открытие (квантовый генератор на пучке молекул аммиака был создан в 1954 г.) было сделано в высокосенсбилизированном научном пространстве. К такому открытию близко подошел еще один американский ученый — Дж. Вебер и некоторые другие физики. В данном случае одно открытие от другого отделяют не годы, а месяцы и недели. Подобных примеров можно привести немало.

Таким образом, мы можем попытаться уточнить значение термина «сенсбилизация» в контексте исторической науки, а конкретней — в исторической психологии. Сенсбилизация — это степень готовности общественного сознания к восприятию нового, к переменам. Она может варьировать от 0 до предельной (иначе говоря 100 %) величины. При этом следует обратить внимание на следующее обстоятельство: даже высокосенсбилизированное общество для внешнего наблюдателя может казаться стабильно-прочным, монолитно-незыблемым. В то же время, возвращаясь к ленинскому определению революционной ситуации, необходимо отметить тот факт, когда налицо могут быть все признаки такой ситуации, но революция не происходит в силу слабой или недостаточной сенсбилизированности общества новыми идеями, в результате чего народные массы не готовы к их воплощению. Как правило, после завершения крупных общественных переворотов наступает эпоха низкой сенсбилизированности общества, когда и при наличии других факторов (обострение нужды и бедствий «низов», неспособности правящих кругов к управлению и др.) не происходят казалось бы объективно назревшие перемены. Ясное осознание этого обстоятельства приподнимает завесу загадочности над теми очевидными историческими парадоксами, когда незначительные события могут стать детонаторами крупнейших социальных потрясений. И наоборот, казалось бы немислимые в другой ситуации проступки властей встречают в массах холодное равнодушие. Следует указать также, что сенсбилизация может характеризовать не только общественное сознание в целом, но и относительно отдельные, частные вопросы (веротерпимость, национальное равноправие, права женщин и т. п.).

Если говорить о современном мире, то очевидно, что, с точки зрения политической подготовленности к фундаментальным переменам, к обществам высоко сенсibilизированным мы должны отнести Западную Европу и Северную Америку (США, Канада), в то время как Восточная Европа и страны, возникшие после распада СССР, относятся к регионам с низкой сенсibilизацией.

Сенсibilизация сама представляет собой сложный и противоречивый процесс восприятия, переработки, усвоения или отторжения, иначе говоря, адаптации общества и отдельных индивидуумов к новым взглядам, идеям, теориям.

Итак, применение понятия «сенсibilизация», по нашему мнению, позволит обогатить новыми аргументами исследователей, поможет глубже проникнуть в сущность исторического процесса, увидеть важные грани общественного сознания, может стать необходимым инструментом при изучении различных сторон общественной жизни. С другой стороны, актуализация понятия «сенсibilизация» может сделать богаче его содержание. Сам термин получит такие свойства, как устойчивость и воспроизводимость.

Литература

1. *Блинова О. И.* Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. — М., 1981. — С. 28–37.
2. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — Кн. 1. — 1991.
3. *Соловьев С. М.* Сочинения. — Кн. VII.
4. *Ойзерман Т. И.* Научно-философское мировоззрение марксизма. — М., 1989.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 23.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 26.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 34.
8. *Александровский Б. П., Соколовский В. Г.* Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением. — К., 1969.
9. Советский Энциклопедический Словарь. — М., 1985.